

На правах рукописи

Хабибрахманова Ольга Аркадьевна

**Вузовская интеллигенция Среднего Поволжья в
условиях социально-культурной трансформации
советского общества 1918 – конца 1930-х гг.**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Казань - 2021

Работа выполнена на кафедре отечественной истории Института международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Научный консультант:

Малышева Светлана Юрьевна доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Официальные оппоненты:

Вишленкова Елена Анатольевна доктор исторических наук, профессор НИУ Высшая школа экономики, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В.Полетаева.

Иванов Анатолий Евгеньевич доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук.

Иванова Татьяна Николаевна доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культуры зарубежных стран ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н.Ульянова».

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П.Королева».

Защита состоится 13 января 2022 г. в 10.00. часов на заседании диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций КФУ.07.01. при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420111, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д.44, ауд.13.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО Казанского (Приволжского) федерального университета по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 35 (читальный зал №1).

Электронная версия автореферата и диссертации размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университет <http://krfu.ru> и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ <http://vak.ed/gov.ru>

Автореферат разослан « » _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Р.Р.Хайрутдинов

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Важность изучения социально-культурных явлений и процессов 1918 – конца 1930-х гг. обусловлена необходимостью понимания сложности и многовекторности развития российского общества первых послеоктябрьских десятилетий. Преобразования, охватившие все сферы жизни общества, сопровождались политическими, социальными катаклизмами, порождали противоречивые социально-культурные явления. В водовороте революционных потрясений оказалось все население страны.

Интеллигенция высшей школы, как один из активных социальных слоев общества, особенно остро переживала трансформационные процессы. Ситуация сложнейших в бытовом плане годов обострялась политикой Советской власти, направленной на слом дореволюционной системы высшего образования. Масштабные эксперименты Советской власти в системе преподавания и науки - институциональные изменения, закрытие ряда вузов и факультетов, советская кадровая политика разрушили смыслообразующие миры ученых, внутри которых осуществлялась их научная и преподавательская деятельность, разрывали преемственность прежних научных школ, лишали ученых работы, ухудшали их материальное положение и нередко оказывали негативное воздействие на их общее социально-психологическое состояние.

Наряду с этим интеллигенция высшей школы не оказалась лишь «страдательной стороной» политики советской власти. Вузовская корпорация предпринимала активные действия. Усилия направлялись как на дезавуирование мероприятий новой власти, так и на их принятие и развитие, корректирование в соответствии с собственными представлениями. Многообразие социально-культурных практик интеллигенции показывает ее непоследовательное и неоднозначное отношение к Советской власти, а развитие вузовской интеллигенции не представляется прямолинейно поступательным движением.

В изучаемый период Среднее Поволжье являлось одним из крупнейших образовательных регионов страны. Исторически сложившимся центром развития высшего образования была Казань, где еще 5 ноября 1804 г. был открыт Казанский университет. Вторым крупным вузом Среднего Поволжья стал Саратовский университет, образованный в 1909 г. В период активных преобразований, инициированных советской властью, в Казани было создано 15 вузов. В Саратове число вузов доходило до 11, в Чебоксарах было открыто два высших учебных заведения. Масштабные реформы высшего образования привели к созданию крупного образовательного центра в Самаре, где на непродолжительное время был открыт университет, а позднее работало 8 институтов. Среднее Поволжье, таким образом, по масштабам строительства, темпам советизации вузов и значимости профессорско-преподавательского состава уступало только столичным регионам – Москве и Ленинграду¹.

Среднее Поволжье, выступая в качестве периферии по отношению к столичным регионам, одновременно играло ведущую культурно-образовательную роль для всего Поволжья. Национально-культурное разнообразие региона вносило свою специфику в протекавшие социально-культурные изменения, связанные с формированием национальной интеллигенции, в том числе в профессиональной сфере. В вузах Среднего Поволжья реализовывалось важнейшее направление национальной политики советского государства - подготовка национальных кадров, решались проблемы культурно-образовательной отсталости национальных районов.

В соответствии со сказанным выше **проблемой** диссертационного исследования стал анализ характеристик социально-культурных практик вузовской интеллигенции Среднего Поволжья в условиях трансформаций советского общества 1918 – конца 1930-х гг.

¹ Демидова Е. В. Становление и развитие советской высшей школы в 1920–1930-е гг.: дисс. ... докт. ист. наук. Саратов, 2007. С. 20.

Объектом изучения диссертации является вузовская интеллигенция Среднего Поволжья в 1918 – конце 1930-х гг. как социально-культурное сообщество.

Предмет диссертационного исследования – социально-культурные практики вузовской интеллигенции Среднего Поволжья в 1918 – конце 1930-х гг.

Изучение вузовской интеллигенции в раннесоветский период способствует более глубокому пониманию социокультурных процессов в стране. Интеллигенция высшей школы стала одним из акторов трансформационных процессов в России накануне, во время революции 1917 г. и в первые советские десятилетия. Из нее рекрутировались кадры политических партий, многих общественных организаций. От ее позиции во многом зависело то, как складывалась судьба страны. Вместе с тем позиция интеллигенции, ее отдельных групп и отдельных представителей была далеко не однозначной и не всегда напрямую коррелировала с происхождением, возрастом, фактами биографии и даже мировоззрением.

Наряду с этим, важнейший вопрос, связанный с изучением социально-культурных процессов, происходивших внутри вузовского сообщества, исследовался весьма незначительно и неравномерно. Изучение этих сюжетов представляет особый интерес. Это связано в первую очередь с тем, что период 1918-1930 – х гг. – время гигантских социальных процессов, характерных для истории России. Это время, когда происходили глобальные сдвиги в образовании и культуре, менталитете. В этот период формировалась новая концепция развития высшего образования, формировался образ советского интеллигента и ученого. Изучение социально-культурных внутривузовских процессов позволяет выявить социальные основы утверждения и существования советской высшей школы. Объективное, целостное представление о формировании вузовской интеллигенции в первые послеоктябрьские десятилетия возможно путем показа ее неоднородности, подвижности, пластичности практик, демонстрирующих особенности и

глубину происходящих процессов. В этой связи перспективным становится изучение мало освещенных аспектов жизни интеллигенции.

Исследование социально-культурных практик играет принципиальную роль в изучении сложнейших процессов ресоциализации вузовской интеллигенции. Оно во многом раскрывает проблему взаимоотношений власти и вузовской интеллигенции, способы принятия или отрицания вузовскими сообществами властных стратегий, оказывающих влияние на политическую и социально-культурную жизнь общества. Исследование дает представление и о потенциале устойчивости вузовской интеллигенции, о возможном пределе трансформации идентичности в условиях радикальных социально-культурных изменений. Эта проблема актуализируется в современных условиях, когда высшее образование переживает череду реформ, инициированных извне. Реконструкция и анализ социально-культурных практик не только воссоздает исторические образы, знание опыта прошлого может обеспечить эффективность принятия решений на современном этапе развития высшего образования.

Проблемы, поднятые в диссертационном исследовании, нацеливают и на изучение более общего вопроса о социальной базе Советской власти в первые десятилетия ее существования. Частный вопрос об изучении социально-культурных практик вузовской интеллигенции выводит и на проблемы устойчивости отдельных социальных сообществ, пределы ограничения ресурса их прочности в условиях агрессивного внешнего воздействия, провоцирующего процесс их распада, который, в свою очередь, ведет к видоизменению социальной структуры общества.

Цель исследования – выявить особенности процесса складывания социально-культурных практик, форм и результатов адаптации интеллигенции высшей школы Среднего Поволжья в условиях трансформации советского общества 1918 – конца 1930-х гг.

Реализации названной цели способствовало решение следующих **задач**:

– изучение теоретико-методологических основ проблемы, разработка концептуального подхода к исследованию социально-культурных практик вузовской интеллигенции;

– изучение особенностей трансформации профессионального пространства и форм адаптации к нему вузовской интеллигенции Среднего Поволжья;

– анализ и характеристика властных стратегий распределения материальных благ как способа выстраивания новых иерархий в академической среде и реакции вузовской интеллигенции на эти изменения;

– выявление особенностей «картины мира» ученого, комплекса ценностных представлений, его устойчивости к воздействиям и способов его конструирования;

– анализ поведенческих практик вузовской интеллигенции как способа сохранения профессиональной и социокультурной идентичности;

– изучение форм и результатов изменения языковых практик вузовской интеллигенции.

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1918 г., когда были опубликованы два важнейших в деле переустройства высшего образования документа: «О правилах приема в высшие учебные заведения» от 2 августа 1918 г. и «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской республики» и до конца 1930-х гг. - момента завершения ряда важнейших институциональных и социально-культурных процессов. Постановление СНК СССР от 5 сентября 1938 г. о введении «Типового устава высшего учебного заведения» завершало процесс формирования и унификации системы высшего образования в стране.

Территориальные рамки исследования ограничены изучением социально-культурных практик вузовской интеллигенции Самарской, Саратовской, Ульяновской области, Чувашской Республики и Республики Татарстан. История формирования вузовского сообщества на этих

территориях стала отражением процессов формирования вузовского сообщества всей страны. В 1920–1930-е гг. здесь были аккумулированы все известные эксперименты по строительству советского высшего образования. Преимущественное развитие вузов сельскохозяйственного и гуманитарного направления в 1920 – е гг., форсированное строительство и реструктуризация вузов и научных центров в 1930- е гг., острая нехватка профессорско-преподавательских кадров и их комплектование в основном за счет приезжих из других мест ученых, вносило свою специфику в развитие вузовской интеллигенции этих территорий. В то же время крупные центры развития образования – Казань и Саратов, стали объектами форсированного развития высшего образования.

Научная новизна работы определяется не только недостаточной изученностью социально-культурных практик, форм и результатов адаптации вузовской интеллигенции Среднего Поволжья в 1918 – конце 1930-х гг. Новизна работы заключается в том, что в диссертации впервые использован новый концептуальный подход, основанный на переопределении исследовательского внимания на выявление и анализ социально-культурных практик, не регламентированных вузовскими традициями и правилами, но связывающих и конституирующих их как сообщество. Впервые анализ социально-культурных практик вузовской интеллигенции был сопряжен с выявлением и характеристикой социально-психологических типов личности и последующим построением наиболее типичных моделей социальной адаптации вузовской интеллигенции. В исследовании выявлены этапы развития вузовской интеллигенции с учетом не только политических, институциональных, но и социально-культурных изменений. Выявлены внешние и внутренние факторы, оказавшие влияние на социально-культурные практики вузовской интеллигенции, определены наиболее типичные формы социально-культурных практик. В диссертационной работе с новых позиций трактуются идеи и взгляды самих ученых, степень их участия в трансформациях высшего образования. Также в работе выявлена специфика

социально-культурных практик вузовской интеллигенции в сфере досуга, что до сегодняшнего дня не было предметом специального исследования. В результате исследования на примере вузовской интеллигенции Среднего Поволжья поднята проблема изучения трансформационных процессов в «переходный» период, что ранее не являлось предметом отдельного исследования. Социально-культурные практики вузовской интеллигенции рассматриваются в общем контексте становления высшего образования в раннесоветский период, истории вузовского образования Среднего Поволжья, как одного из крупнейших образовательных центров страны.

Степень научной разработанности темы. В соответствии определением предмета анализа диссертационного исследования, огромный корпус исторических работ был условно разделен на две большие группы. К первой тематической группе были отнесены работы, посвященные истории советских вузов, ко второй - работы, отражающие проблемы формирования советской вузовской интеллигенции. Принятое деление весьма условно, оно позволяет выделить основные направления исследований и не исключает их комбинирование.

Многоплановые по содержанию работы первой более разработанной группы исследований, затрагивают как широкие проблемы роли вузовского образования в истории России, так и узкие, посвященные истории преподавания, научным изысканиям и прочее. Работа М.К.Корбута² стала одним из первых фундаментальных исследований, заложивших основы создания обобщающих работ по истории вузов в советский период. К исследованиям обобщающего характера можно отнести работы В.В.Украинцева, Е.В.Чуткерашвили, С.А.Федюкина, А.Я.Синецкого.³

² Корбут М. К. Казанский государственный университет имени В.И. Ленина за 125 лет 1804/05–1929/30. – Казань, 1930. – 2 т.

³ Чуткерашвили Е. В. Развитие высшего образования в СССР. М., 1961; Украинцев В. В. КПСС – организатор революционного преобразования высшей школы. М., 1963; Елютин В. П. Высшая школа СССР за 50 лет (1917–1967). М., 1967; Галкин К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров. М., 1958; Синецкий А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы. М., 1950; Чуткерашвили Е. В. Развитие высшего образования в СССР. М., 1961; Украинцев В. В. КПСС – организатор революционного преобразования высшей школы. М., 1963; Елютин В. П. Высшая школа СССР за 50 лет (1917–1967). М., 1967;

Принципиальные вопросы о месте и роли высшего образования в современном обществе поднимали Е.А.Вишленкова, В.И.Жуков, А.Е.Иванов, А.И.Аврус⁴. Среди множества публикаций, заметный корпус исследований приурочен к юбилейным датам вузов⁵. В работах собран богатейших материал по истории развития научных направлений, отдельных кафедр, даны биографические данные руководителей и профессоров вузов⁶. С 1990 х гг., растет исследовательский интерес к развитию высшего образования в регионах⁷, появилось много работ обобщающего характера⁸. Целый ряд исследований,

Галкин К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров. М., 1958; Синецкий А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы. М., 1950.

⁴ Дмитриев А.Н. Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). – М., 2012; Вишленкова Е.А., Дмитриев А.Н. Удобное прошлое для одной корпорации: постсоветские университеты в поисках классического статуса. М., 2010; Аврус А.И. История Российских университетов: очерки. – М., 2001; Жуков В.И. Высшая школа России: исторические и современные сюжеты. М., 2000; Иванов А.Е. Ученое достоинство Российской империи. XVII - начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. - 656 с.

⁵ Вековой юбилей: Научно-исторический очерк о прошлом и настоящем Самарского НИИСХ им. Н.М. Тулайкова. Самара, 2003; Самарскому государственному медицинскому университету – 75. Самара, 1994; Саратовский государственный университет. 1909–1959 гг. – Саратов, 1959; Казанский медицинский институт, 1814–1989. В 2 ч. – Казань, 1989; Кириллов Н.К. Сельскохозяйственная академия: путь развития и создания: к 75 -летию Чувашской государственной сельскохозяйственной академии. Чебоксары. 2006; Инженерный химико-технологический институт (факультет). Первому – семьдесят / Сост. А.Е. Никифоров, Г.П. Шарнин. – Казань, 2001; Кафедре химии и технологии высокомолекулярных соединений 75 лет. Путь становления и развития / Под общ. ред. А.В. Косточко. – Казань, 2006; Ермолаев И.П. История Казанского университета. 1804 -2004 / под общ. ред. И.П.Ермолаева. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 2004.

⁶ Казанский государственный технологический университет. Выпускники – гордость технологического университета. КХТИ–КГТУ (1931–2000): краткий биографический справочник. Казань, 2000; Багаутдинов Н. Ф. Он был первым. Гимаз Багаутдинов. Казань, 2005; Профессора, доктора наук. Политехнический институт КХТИ–КГТУ (1919–2000). Краткий биографический справочник. Казань, 2000; Созинов А. С. История казанской психиатрии в лицах. Казань, 2014; Исаков А. П. Летопись Казанского государственного университета: (история в фактах, подтвержденных документально). – Казань. Т. 1: 1804–1945. –2004.

⁷ Толочко А. П., Ищенко О. В., Сквородина И. С. Развитие профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: опыт истории в контексте современности. Омск, 2005; Провинциальная наука: Научные сообщества и их судьбы в Западной Сибири конца XIX –первой трети XX века / Жук А. В., Корзун В. П. [и др.]. Омск, 1997; Чумак Е. Г. Становление и развитие системы образования обско-угорских народов Северо-Западной Сибири в 1920–1950-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук: Томск. гос. ун-т.– Тюмень, 2008. – 231 с.; Гришина Н. В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка: историогр. сб. – Омск, 2014. Вып. 9. С. 122-145; Мамонтова М. А., Соганова Е. Ю. Трансформация нормативной стороны «диссертационной культуры» в СССР в 1930–1970-е гг. // Мир историка: историогр. сб. – Омск, 2014. Вып. 9. С. 146-175; Корзун В. П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестн. ЧелГУ. История. 2012. Вып. 51. С. 102 -110; Богдашина Е. Н. Харьковские историки на перепутье: проблемы адаптации к новым социально-политическим условиям 1920–1930-х гг. // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения): материалы науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2014. С. 47-57. и др.

⁸ Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н. История Саратовского университета. 1909–2009: В 2 т. Т. 1. – Саратов, 2009; Мясков А. П. История Саратовского университета. 1909–2009: В 2 т. Т. 2. – Саратов, 2009. Костицын В. И. Пермский университет: 100-летие ученых, государственные памятники истории и культуры. – Пермь, 2003; Иванова Т.Н., Агеева Н.Н., Краснова М.Н. Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) VII Арсентьевские чтения. 2017. С. 311-316; Альбицкий В. Ю. История Казанского

посвященных истории вузов носят историко-культурный характер.⁹ В исследованиях под редакцией профессора И. П. Ермолаева казанские исследователи раскрыли перспективы изучения истории «снизу»¹⁰. Проблемы ритуализированной университетской событийности поднимали в своих трудах Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова¹¹. Попытки концептуального прочтения вузовской истории, антропологическая и социокультурная перспективы реализованы в ряде других работ¹².

Вторая тематическая группа исследований представлена работами, поднимающими проблемы «перехода» вузовской интеллигенции на сторону советской власти¹³. Исследования посвящались отдельным ученым и научным направлениям¹⁴, поднимались проблемы привлечения «старой» вузовской интеллигенции и методы подготовки новой когорты преподавателей высшей

государственного медицинского университета. – Казань, 2006; Ермолаев И.П. История Казанского университета. 1804-2004. – Казань, 2004. -651с. и др.

⁹ Соскин В. А. Оценка исторического пути советской интеллигенции в свете современного кризиса социализма // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры советского общества: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Вып. II. - Кемерово, 1991; Главацкий М.Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема. Историкографические этюды. Екатеринбург, 2003; Купайгородская А. П. Советская высшая школа в 1917 - 1928 гг.: дис. ... докт. ист. наук. Л., 1990.; Козлов О. В. Взаимодействие власти и общества в процессе создания советской системы управления народным образованием и культурой в российской провинции в 1917 – 1922 гг. (На материалах Западного региона РСФСР): дис. ... докт. ист. наук. - Смоленск, 2001.

¹⁰ Сальникова А. А. Революционные потрясения: 1917–1922 // Очерки истории Казанского университета / под общ. ред. И.П. Ермолаева. Казань, 2002. С. 149-165; Бикташева А.Н. Вместо императорского – государственный: 1922–1929 гг. // Очерки истории Казанского университета / под общ. ред. И.П. Ермолаева. Казань, 2002. С. 166-181; Ермолаев И.П. История Казанского университета. 1804 -2004 / под общ. ред. И.П.Ермолаева. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 2004.

¹¹ Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – Казань, 2005.

¹² Иванов А. Ю. Казанский государственный медицинский институт в зеркале социокультурной истории. – Казань, 2014; Варламенков В. Н. Власть, общество, образование в 20-х гг. XX в. в Поволжском регионе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2009; Белицкая М. А. Реализация государственной политики в сфере высшего профессионального образования в Нижнем Поволжье в 1930-е годы: дисс. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2012; и др.

¹³ Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965; Лебин Б.Д. В.И. Ленин и научная интеллигенция // Философия науки. 1969.

¹⁴ Переведенцев Ю. П. Метеорология в Казанском университете: становление, развитие, основные достижения. – Казань, 2001; Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Этнография в Казанском университете. – Казань, 2002; Казанская математическая школа, 1804–1954. – Казань, 2002; Крашенинникова Т. П., Синицин О. В. Евгений Иванович Устюжанин (1902–1968). Очерки жизни и деятельности. – Казань, 2012; Иванова Т.Н. Васильева И.С. А.И. Яковлев: научно-педагогическая и общественная деятельность по данным неопубликованных источников, хранящихся в г. Чебоксары // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России: материалы Всерос. науч. конф. Чебоксары, 2018. С.92-95; Глыбочко П. В., Блувштейн Г. А., Соломонов В. А. Василий Иванович Разумовский: Хирург, ученый, педагог / П.В. Глыбочко, Г.А. Блувштейн, В.А. Соломонов. Саратов: Саратовский гос. мед ун-т, 2009. – 260 с; Жердева Ю.А. Профессор Куйбышевского планового института Василий Львович Погодин: материалы к биографии // Самарский научный вестник. — 2019— С. 214-222 и др.

школы¹⁵. Постепенный отход от социально-функционального подхода в историографии вопроса позволил иначе взглянуть на «переход» интеллигенции на конформистские позиции¹⁶. Вместе с тем, наметившаяся культурологическая перспектива, междисциплинарный подход значительно расширили исследовательские рамки, дополнили изучение научной интеллигенции с позиции духовно-нравственных критериев¹⁷. Упрощенный подход к проблеме «перехода» вузовской интеллигенции на сторону советской власти и дифференциации интеллигенции подвергли критике казанские ученые¹⁸. В последнее время возрос интерес и к изучению причин неоднородности (гетерогенности) вузовских корпораций¹⁹. Признание исследователями культурно-антропологической перспективы повысило интерес к изучению ее мировоззренческих позиций²⁰.

Ко второй тематической группе отнесены и исследования, посвященные повседневности вузовской интеллигенции²¹. В них поднимались проблемы

¹⁵ Красильников С. А., Пыстина Л. И., Ус Л. Б., Ушакова С. Н. Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. – Новосибирск, 2007; Алеврас Н. Н. Российская диссертационная культура XIX–начала XX веков в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 36. С. 221–247 и др.

¹⁶ Ермаков В. Т. Интеллигенция России в XX столетии. (К постановке проблемы «Интеллигенция как феномен исторического изучения») // Интеллигенция России: уроки истории и современность. Межуз. сб. науч. тр. – Иваново: ИвГУ, 1996; Главацкий М.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск., 1987.

¹⁷ Квакин А. В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа. 1921–1927. – Саратов, 1991; Соскин В. Л. Оценка исторического пути советской интеллигенции в свете современного кризиса социализма // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры советского общества: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Вып. II. – Кемерово, 1991; Соскин В. Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. – Новосибирск, 2004.

¹⁸ Сальникова А. А. Революционные потрясения: 1917–1922 // Очерки истории Казанского университета / под общ. ред. И.П. Ермолаева. – Казань, 2002. – С. 151.

¹⁹ Агеева Н. Н. Преподавательские традиции в династии Фортунатовых // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения): материалы науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 окт. 2014 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 17–22; Мягков Г. П. Исторический путь России в дискурсивном поле российских интеллектуалов начала XX века // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения): материалы науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 окт. 2014 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 301–307; Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения): материалы науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 окт. 2014 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. 472 с.

²⁰ Богдашина Е. Н. Харьковские историки на перепутье: проблемы адаптации к новым социально-политическим условиям 1920–1930-х гг. // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения): материалы науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 окт. 2014 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 47–57; Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений. М., 2008. С. 97; Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. – М.; СПб. 2012.

²¹ Иванова Л.И. Формирование научной интеллигенции / Л.И. Иванова. – М., 1980.

трансформации профессорской культуры, процедуры и корпоративные предпочтения, корпоративные отношения и др.²². Названные сюжеты нашли отражение и в ряде диссертационных работ²³. Современные исследователи уделяют внимание проблемам социально-психологической адаптации, повседневности вузовской интеллигенции²⁴. В фундаментальных трудах казанских историков специальные разделы посвящены проблемам материального положения и качества жизни профессорско-преподавательского состава университета и студенчества²⁵. Историки признают значительную роль вузовской интеллигенции в формировании социально-культурной среды в рамках установленных (институциональных) традиций и правил. Наряду с этим, в российской историографии нашлось немного работ, посвященных непосредственно раннесоветской истории вузов. Культурно-антропологическая направленность изменила взгляды

²² Корзун В. П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестн. ЧелГУ. История. 2012. Вып. 51. С. 102; Корзун В. П., Сидорякина Т. А. К проблеме трансформации «профессорской культуры» // Культурологические исследования в Сибири. - Омск, 2009. № 1 (27). С. 67–75; Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сб. науч. статей и сообщений / Сост. и отв. ред. Г.П.Мягков и Е.А.Чиглинцев. Казань, 2005; Историки в поисках новых смыслов: Сб. науч. ст. и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения проф. А.С.Шофмана и 60-летию со дня рождения проф. В.Д.Жигунина. Казань, 7-9 октября 2003 Казань, 2003, Соломонов В.А. Первопроходцы университетской науки. Коллективный портрет профессоров и студентов Саратовского университета / В.А.Соломонов - Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 2005. – 83 с.

²³ Корнилова И.М. Становление и развитие высшего образования в Калмыкии (1920-1999 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Элиста, 2000; Данилов А.Г. Интеллигенция Дона, Кубани, Ставрополя в конце XIX - начале XX века: дисс. ... докт. ист. наук. - Ставрополь, 2001; Рагозина А. А. Техническая интеллигенция Карелии в 1920 - 1930-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2004; Сюков А.В. Власть и наука в Среднем Поволжье в конце 1920-х-1930-е гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Самара, 2009; Сазонова Л.А. Повседневность университетского профессора Казани 1863 – 1917 гг: дис. ... канд. ист. наук. Казань., 2009; Лебедева Е. В. Развитие науки в Поволжье в 1917 – первой половине 1920-х гг.: на материалах Казанского, Саратовского, Самарского университетов: Дисс. ... канд. ист. наук. - Самара, 2002. и др.

²⁴ Малышева С. Ю. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Эхо веков. 2003. № 1-2. С. 87-92; Малышева С. Ю. Казанцы с философских пароходов // Трагические судьбы / Б.Ф. Султанбеков., С.Ю. Малышева. Казань, 1996. С. 48-70; Донская И. Благородное собрание казанских ученых / И. Донская, М. Подольская // Казань. 1999. № 7-8. С. 65; Литвин А.А. Жизнь и судьба «красного» профессора: Михаил Ксаверьевич Корбут (1899-1937). –Казань. – 2009. и др.

²⁵ Вишленкова Е.А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. - Казань, 2005; Сидорова И.Б. От «великого перелома» к началу стабилизации: 1930-1940 гг./ И.Б. Сидорова // Очерки истории Казанского университета / под общ. ред И.П. Ермолаева. Казань, 2002.- С.237- 248; Сальникова А.А. Революционные потрясения: 1917 – 1922 / А.А. Сальникова // Очерки истории Казанского университета / под общ. ред И.П. Ермолаева. - Казань, 2002.- С.149 – 165; Бикташева А.Н. Вместо императорского – государственный: 1922 – 1929 гг./ А.Н. Бикташева // Очерки истории Казанского университета / под общ. ред. И.П. Ермолаева. Казань, 2002.- С.167- 178.

исследователей на проблемы формирования вузовской интеллигенции, но пути дальнейшего изучения названной проблематики были только намечены.

Методология исследования. Теоретико-методологические основы настоящего диссертационного исследования составляют историко-системный, социально-функциональный, культурно-антропологический и аксиологический подходы. Историко-системный подход позволил раскрыть феномен вузовской интеллигенции в контексте социально-культурных и политических изменений общества, оценить степень интеграции ученых в новые социальные условия. Благодаря историко-системному подходу объект исследования удалось представить как сложную систему, имеющую как общие, так и особенные черты. Социально-функциональный подход помог реализовать идею изучения вузовской интеллигенции как социально-профессионального сообщества, способного оказывать непосредственное влияние на изменения «внешнего» и «внутреннего» порядков. В основе культурно-антропологического подхода лежит феноменологическое представление о социально-культурных трансформациях идентичности. Названный подход направляет исследовательскую логику на рассмотрение изменений через призму восприятия и оценки социальных катаклизмов вузовской интеллигенцией. Аксиологический подход фокусирует исследование на рассмотрении ценностно-ориентированных социальных практик вузовского сообщества и практик, не вписывающихся в установленные нормы и ценности. Принимая во внимание значительную роль вузовской интеллигенции в формировании социокультурной среды, автор использует новые методы описания вузовской культуры, фокусирует внимание на особых социально-культурных практиках, выходящих за рамки общепринятых корпоративных норм взаимодействия, что позволило глубже понять, как происходил процесс трансформации вузовской культуры.

В исследовании использовались и методы источниковедческого анализа.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Реализация планов советской власти по радикальной трансформации профессионального пространства вузовской интеллигенции оказалась непоследовательной и противоречивой. Активные действия вузовской интеллигенции оказывали непосредственное влияние на стратегические замыслы властей. Удаленность вузов Среднего Поволжья от центра вносила свою специфику и способствовала затягиванию радикальных изменений.

2. Дефицит профессорско-преподавательских кадров, их неравномерное распределение по регионам, действия самих ученых изменили первоначальные замыслы властей в области кадровой политики.

3. Наиболее типичными моделями социально-психологической адаптации вузовской интеллигенции стали: конформизм, бунт как форма социального поведения, ритуализм, эйскетизм и инновационная модель.

4. Устанавливаемые властью иерархии в системе оплаты труда были направлены на ранжирование вузовской интеллигенции не по принципу научных заслуг, а по степени лояльности советской власти. Защита материального благополучия стала способом физического выживания и сохранения профессиональной идентичности.

5. Специфичной формой влияния ученых на социально-экономическую политику советской власти стало их активное участие в работе организаций по оказанию помощи ученым, созданных с подачи государства. В своей основе названные организации помогали ученым корректировать наиболее «болезненные» последствия советской власти, решать материальные проблемы, сохранять социально-психологическое благополучие.

6. Решение жилищных проблем стало еще одним «пространством», в котором вырабатывались и апробировались практики адаптации вузовской интеллигенции. Вузовские коллективы Среднего Поволжья формировались во многом за счет приглашения преподавателей из других регионов. Мощные миграционные процессы тех десятилетий усложнили и без того острый жилищный вопрос. Заимствования практик выживания у других социальных групп привели к размыванию норм корпоративной культуры.

7. «Картина мира» ученого, как совокупность представлений о мире вокруг, искажалась, взаимодействие с представителями «чужих» сообществ привели к стиранию границ между «своими» и «чужими» и последующему расколу профессорско-преподавательских корпораций.

8. Ученым удалось скорректировать планы властей по трансформации сферы досуга. Созданная властью сеть учреждений культуры и отдыха призвана была культивировать советский образ жизни. В результате активного вмешательства вузовской интеллигенции эти учреждения стали научно-просветительскими, а не общественно-политическими центрами.

9. Язык университетского человека насыщался канцеляризмами и идеологизированной риторикой. Вузовская интеллигенция, вынужденная соответствовать новым требованиям, участвовала в конструировании советского бюрократического языка. В результате новый язык оценивался учеными негативно, а его применение часто носило формальный характер.

10. Формирование профессорско-преподавательских коллективов протекало по-разному: болезненно переживали трансформации носители культурных традиций, заложенных до революции, вузы с небогатой историей обогащались традициями, привнесенными извне, трансформации здесь происходили менее болезненно. В вузах, созданных в 1930-е гг., закладывались советские принципы формирования профессорско-преподавательских коллективов.

11. К концу 1930-х гг. социально-культурные трансформации профессионального вузовского пространства были в основном завершены. Институциональные изменения привели к формированию советской модели образования с директивными методами управления и узкоутилитарной направленностью научных знаний. Власти добились дифференциации вузовской интеллигенции, целостность профессорско-преподавательской корпорации была разрушена.

Реализовать поставленные цель и задачи позволяет использованный в исследовании комплекс **источников**. Характеристика источникового

комплекса и изучение его содержания позволили охарактеризовать и документально обосновать особенности социально-культурных практик вузовской интеллигенции первых советских десятилетий. В исследовании были привлечены документы фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Республики Татарстан, Государственного архива Саратовской области, Государственного архива новейшей истории Саратовской области, Самарского областного государственного архива социально-политической истории, Центрального государственного архива Самарской области, Государственного архива Ульяновской области и Государственного архива новейшей истории Ульяновской области.

Источники исследования условно разделены на три основные группы.

Первую группу составляют неопубликованные и опубликованные документальные материалы. Документальные источники разделены на две подгруппы: законодательные и делопроизводственные документы. Значительный пласт законодательных нормативных документов, исходящих от центральных органов власти, был извлечен из фондов Наркомата просвещения РСФСР (Ф.2306), Главного управления профессионального образования (Ф.1565), Всесоюзного комитета высшего технического образования СССР (Ф.8060) и Всесоюзного комитета по делам высшей школы (Ф.8080), Главного ученого совета (Ф.298) Государственного архива Российской Федерации.

Законодательная и делопроизводственная документация, которой располагают местные архивы, была условно разделена на нормативные документы, протокольную документацию, деловую переписку и отчетные документы. В исследовании использовалась нормативная документация профсоюзных фондов Государственного архива РТ (Ф.644), Государственного архива новейшей истории Саратовской области (Ф.6107), Ульяновской области (Ф.525), фонды самарских (Куйбышевских) архивов (Ф.9400). Большой пласт протокольной документации был извлечен из фондов

Государственного архива республики Татарстан (Ф.5888, Ф.732, Ф.644), Государственного архива новейшей истории Саратовской области (Ф.6107) и Самарского областного государственного архива социально-политической истории (Ф.9400). В большом объеме к исследованию привлекалась протокольная документация вузов Казани (ГБУ ГАРТ. Ф.1337. Ф.1487; Ф.926; Ф.2646; Ф.7463; Ф.2647 и др.), Саратова (ГА СО. Ф.Р.2555; Ф.Р.3190; Ф. 225; Ф.171; Ф. 3190), Самары (ЦГАСО. Ф.28; Ф.1230; Ф.134). Документы, фиксирующие ход заседаний партийных организаций вузов, стали важным дополнением к исследованию (ГБУ ГАРТ. Ф.Р.624, Ф.656, Ф.1198; ГАНИ СО. Ф.Р.35, Ф.92, Ф.109, Ф.171).

Значительный объем отчетной документации был обнаружен в фондах вузов²⁶. Наиболее значимыми для исследования стали отчетные документы местных комиссий по оказанию помощи ученым²⁷, отчеты о работе партийных ячеек вузов, отчеты по обследованию первичных партийных организаций вузов²⁸ рассредоточенные по нескольким архивным фондам. Основную массу документов, привлеченных к исследованию, составила неопубликованная делопроизводственная документация. Документы привлекались с целью оценки характеристики социальных процессов, происходивших внутри вузовского сообщества.

Вторую группу источников, использованных в диссертационном исследовании, составили материалы периодической печати. Эти материалы, как многоплановый источник, стали значительным дополнением к сведениям архивных документов об академической и повседневной жизни ученых, уровне их социального обеспечения, особенностях использования языка, ментальных конструкциях.

²⁶ ЦГАСО. Ф.Р.28. Оп. 1. Д. 57; ГАНИУО. Ф.73. Оп. 1. Д. 7. 16; ГАНИ СО. Ф.Р.140. Оп. 1. Д. 26, 59; ГАНИ СО. Ф.Р.98. Оп. 1. Д. 41

²⁷ ГБУ ГАРТ. Ф.Р.644. Оп. 1. Д. 100, 102; ГБУ ГАРТ. Ф.Р.5888; ГБУ ГАРТ. Ф.Р.1803; ГАНИ СО. Ф.Р.6107. Оп. 1. Д. 307, 308.

²⁸ ГБУ ГАРТ. Ф.Р.624. Оп. 1. Д. 6, 14, ГБУ ГАРТ. Ф.Р.624. Оп. 1а. Д. 3

К исследованию были привлечены издания партийных и местных органов власти. Массовые газетные издания «Красная Татария»²⁹, «Волжская коммуна»³⁰, «Известия» и др.³¹ освещали самые разные стороны жизни. Газеты местных общественных организаций поднимали проблемы социального обеспечения вузовской интеллигенции³², организации летнего отдыха преподавателей³³, публиковали критические статьи об отдельных ученых³⁴, информировали о проведении культурных мероприятий³⁵. Изучить ситуацию «на местах» помогли вузовские многотиражные издания - газета Казанского университета «Ленинец» / «На вузовской стройке»³⁶. Значительное увеличение числа вузовских изданий произошло в 1930-е гг., когда газеты, наряду с информационными, стали выполнять и пропагандистские функции³⁷.

Третья группа источников исследования – источники личного происхождения. В исследовании использовались как опубликованные, так и неопубликованные источники личного происхождения. Среди

²⁹ Пять лет работы коммунистов в высшей школе // Красная Татария. 1924. 25 мая (№ 87); Пролетаризация высших учебных заведений // Красная Татария. 1924. 4 дек. (№ 177); «Фальшивки в вузах» // Красная Татария. 1929. 1 окт. (№ 223); Достижения бледнеют перед грандиозностью задач // Красная Татария. 1929. 18 окт. (№ 238); «Наши кадры». Казанский вечерний рабочий университет // Красная Татария. 1929. 7 февр. (№ 29); Казанские вузы – на социалистическое соревнование // Красная Татария. 1929. 28 мая (№ 116); Вузы в соревновании // Красная Татария. 1929. 19 июня (№ 135).

³⁰ 2-ой губернский съезд работников просвещения // Волжская коммуна. 1920. № 606; куда пойти учиться // Волжская коммуна. 1935. № 384; Осенний прием в строительный институт // Волжская коммуна. 1935. № 606; Саперский Н. А. Нужен рентгеновский кабинет // Волжская коммуна. 1935. № 606; Дневник Самары // 1927. № 276; куда пойти? // 1927. № 276.

³¹ Наука в Советском Союзе процветает // Известия. 1925. № 66; и др.

³² По Секции научных работников // За коммунизм. 1930. № 8; СНР – шеф Арской волости // За коммунизм. 1930. № 5; Задачи научных работников // За коммунизм. 1930. № 5; Совместительство в вузах // За коммунизм. 1929. № 2; Два работника на 12 должностях // За коммунизм. 1930. № 9.

³³ «Поедем», о летних экскурсиях // За коммунизм. 1930. № 8; и др.

³⁴ О деятельности и состоянии научно-исследовательской работы в СГУ // За научные кадры. 1935. № 25; Некоторые итоги факультетского кружка // За научные кадры. 1935. № 24; улучшить качество лекций // За научные кадры. 1935. № 24; Поместья профессора Ульянина // За коммунизм. 1929. № 2.

³⁵ Новые пути в работе СНР // За коммунизм. 1930. № 8; Пятилетняя пассивность, для кого же создан Дом ученых? // За коммунизм. 1930. № 9; вчера и сегодня Дома ученых // За коммунизм. 1930. № 10; Культурность передового отряда культурреволюции // за коммунизм. 1930. № 10.

³⁶ Качество обедов в столовых КУБУ должно быть улучшено // Ленинец. 1929. № 6 (16); Время не деньги: потеряешь – не вернешь // Ленинец. 1929. № 1 (11); Дела и дни профессора Глушкова // Ленинец. 1929. № 7 (17); Доцент Шишков – питомец «Кассовского собачника» // Ленинец. 1929. № 4 (14); измените мнение, профессор // Ленинец. 1930. № 7 (17); Научные работники слабо посещают собрания месткома // Ленинец. 1929. № 3 (13); добиться 100% явки на перевыборы // Ленинец. 1929. № 3 (13).

³⁷ Наши ударники // Кировец. 1935. 28 мая (№ 28); под знаком соцсоревнования // За пролетарские кадры. 1930. 18 марта; Соц. соревнование эконофака с химфаком // За пролетарские кадры. 1930. 18 марта; организовать соцсоревнование среди коллектива СГУ // Сталинец. 1937. 19 сентября.

неопубликованные источники обращают на себя внимание воспоминания казанских ученых Б. В. Болгарского³⁸, И. Г. Валидова³⁹, Д. А. Мартынова⁴⁰, В. В. Миллера⁴¹, Л. П. Рахлина⁴² и других⁴³, которые дополнили архивные документы недостающими фактами. Мемуары ближайших родственников – И. А. Богородской⁴⁴ о своем отце, воспоминания жены профессора И. Г. Валидова – М. А. Габбасовой⁴⁵ посвящены жизни и быту ученых. Воспоминания ректора Саратовского университета С. Р. Мартынова⁴⁶ содержат информацию о советском периоде работы университета.

В большом объеме к исследованию привлекались и опубликованные источники. Среди них следует выделить воспоминания о Н. Б-З. Векслине, написанные его дочерью⁴⁷, воспоминания Е. К. Завойского⁴⁸, мемуары дочери известного ученого-физика Казанского университета С. А. Альтшуллера⁴⁹, воспоминания дочерей профессора математики А. П. Широкова – Е. Широковой и О. Широковой⁵⁰, воспоминания известного хирурга, профессора А. А. Агафонова⁵¹ о своем отце профессоре-медике А. Ф. Агафонове. Мемуары профессора, ректора Саратовского университета В. Д. Зернова⁵², воспоминания академика М. Н. Тихомирова⁵³ о самарском периоде

³⁸ Болгарский Б. В. Мои воспоминания о Казанском государственном университете // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 10094, 25 л.

³⁹ Валидов И. Г. Воспоминания // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 10065, 21 л.

⁴⁰ Мартынов Д. Я. Недавнее былое // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 10103, 29 л.

⁴¹ МИ КГУ П.1954\1. Д. 572. 3л.

⁴² МИ КГМУ. Л. М. Рахлин. Мои учителя. 18 с.

⁴³ Тихомирова О. А. О профессоре Николае Александровиче Ливанове // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 10079, 3 л; Порфирьева Н. А. О профессоре Н. А. Ливанове // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 10067, 11 л; Акулина Е. Н. Воспоминания // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 10086, 1 л; Бондаренко В. А. Наш А. П. Плакатын // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 10070, 6 л; Арискина Н. П. Владимир Исаакович Баранов // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 10080, 19 л; Дороднов А. В. Н. Г. Чеботарев // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 10084, 5 л.

⁴⁴ МИ КГУ П.1856\1. Д. 188. 34 л.

⁴⁵ Габбасова М. А. Воспоминания о И. Г. Валидове // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 10075, 3 л.

⁴⁶ ГАСО. Ф.Р.3737. Оп. 1. Д. 238.

⁴⁷ Тарасова-Веклин Г. Добрые люди, спасибо! // Казань, 2007. № 4. С.75-85.

⁴⁸ Завойская Н. Е. Казанский университет конца двадцатых – тридцатых годов. Сороковые годы // Наука. 1990. № 2, № 3, №4, 1989. № 43, № 44.

⁴⁹ Альтшуллер Н. Жизнь как долг // Казань. 1999. № 7-8., Альтшуллер Н. Есть даты, которые никогда не забуду // Казань. 2001. С. 70-78.

⁵⁰ Широкова Е. Жизнь без суеты // Казань. 1999. № 11-12. С. 70-71; Широкова О. Высокое достоинство // Казань. 1999. № 11-12. С. 72.

⁵¹ Агафонов А. Присутствие отца. Казань, 2013. № 2. С. 65-74, Агафонов А. Моя Волга. Казань, 2006. № 4. С. 88-100.

⁵² Зернов В. Д. Записки русского интеллигента. М., 2005. 134 с.

⁵³ М. Н. Тихомиров Самара в моей жизни. Самара, 1994. 107 с.

жизни, воспоминания профессора-лингвиста А. Н. Гвоздева⁵⁴ о Куйбышевском (Самарском) педагогическом институте дополнили исследование фактическими материалами. Ценными для исследования стали публикации писем и дневников ученых Саратова и Самары⁵⁵. Источники личного происхождения дали возможность рассмотреть индивидуальные особенности и реакции вузовской интеллигенции на изменяющуюся социальную реальность, выявить их взгляды и ценности. Подробный анализ источников представлен во втором параграфе первой главы настоящего исследования.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в виде трех монографий и статей, семнадцать из которых опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах. Они нашли свое отражение в ряде выступлений и докладов на научных конференциях, в том числе на международных и всероссийских конференциях. Материалы исследования использовались автором при чтении курса лекций по «Отечественной истории» в Казанском государственном медицинском университете.

Практическая значимость. Полученные результаты диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейшей научной разработки концепции изучения трансформационных процессов разных социальных общностей и групп. Материалы и результаты диссертационного исследования могут быть использованы в учебных курсах отечественной истории, при разработке проблем истории российской интеллигенции, работах, посвященных социально-экономической и культурной политике советского государства и социальной истории России 1918 – конца 1930-х гг.

⁵⁴ Александр Николаевич Гвоздев (1892–1959). Очерк жизни и творчества, Воспоминания. Переписка. Самара, 1992. 134 с.

⁵⁵ Соломонов В. А. Письма Н. К. Пиксанова С. Ф. Платонову 1908–1927 годов // История и историческая память. 2010. С. 235-260; Соломонов В. А. Чувствую себя очень неопытным в делах литературных (письма П. Г. Любомирова С. Ф. Платонову 1912–1929 гг.) // История и историческая память. 2011. С. 221-159; Соломонов В. А. Без купюр и предвзятых комментариев: письмо С. Н. Чернова А. А. Гераклитову как документ интеллектуальной истории // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8. Минск, 2013. С. 253–264.

Структура работы. Структура диссертации определена целью и логикой исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, которые содержат одиннадцать параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

II. Основные положения и выводы исследования

Во введении обосновывается актуальность и научная значимость темы. Определены цели и задачи исследования, объект и предмет, обоснованы хронологические и территориальные рамки работы, дана характеристика примененных научных методов исследования, основных источников, обозначена степень изученности проблемы, научная новизна и практическая значимость исследования.

В первой главе «Историография и источниковая база исследования» анализируется история изучения вузовской интеллигенции, дается подробная характеристика источникового комплекса, привлеченного к исследованию.

В первом параграфе – «История изучения вузовской интеллигенции» представлен историографический анализ изучаемой проблемы.

Начальный этап развития историографии вопроса совпадает со временем установления советской власти в стране. В этот период появляются работы советских функционеров, главная цель которых сводилась к популяризации и пропаганде идей переустройства общества и высшего образования. Работы В.И. Ленина открыли перспективы изучения вузовской интеллигенции как особого социального слоя, который по-особому переживал трансформационные процессы. В целом, работы носили публицистический характер, сводились к изучению учебной и воспитательной работы в вузах, развитию отдельных отраслей и науки в целом. Профессорско-преподавательские корпорации вузов рассматривались фрагментарно и не стали предметом отдельного изучения.

Тотальная политизация советского общества в 1930-е гг. оказала непосредственное влияние на развитие историографии. Не выходя за рамки структурно-функционального подхода, утвердившегося в этот период, в многочисленных работах об интеллигенции поднимались проблемы ее «перехода» на сторону советской власти. Оценивая позиции вузовской интеллигенции в послеоктябрьский период, в работах, как правило, выделялось три группы: активно сотрудничающих с советской властью, «враждебно настроенных» и «колеблющихся». Подобная градация вузовской интеллигенции долгое время оставалась единственной.

Со второй половины 1950-х гг. наблюдается значительный рост числа работ, посвященных проблемам высшей школы и научной интеллигенции, где вопросы формирования интеллигенции рассматривали как достижения советской власти. Раздвинуть рамки функционального теоретико-методологического подхода удалось в 1970 – 1980-е гг. В работах стали подниматься проблемы неоднородности интеллигенции, новаторскими стали идеи о том, что социальный статус ученого не влияет на его политические предпочтения. Вместе с тем, вузовская интеллигенция во многих исследованиях по-прежнему оставалась объектом преобразований советской власти. Отсюда следует и появление двух основных направлений в историографии вопроса. Первое объединяет работы, анализирующие успехи советской власти в деле «привлечения» вузовской интеллигенции на свою сторону. Другая часть сосредоточена на проблемах подготовки ученых нового формата. Профессорско-преподавательская корпорация рассматривалась как однородная социальная структура с набором определенных социально-профессиональных функций, выполняющая заказ государства в области образования и подготовки кадров.

Серьезной критике функциональный подход был подвергнут начиная с 1990-х гг. Вузовская интеллигенция стала обретать свое «лицо», переходить из разряда объекта влияния в субъект. Переосмысления коснулось и ранее не подлежавшее сомнению утверждение об окончательном «переходе»

вузовской интеллигенции на позиции Советской власти к концу 1930-х гг. В работах была поставлена под сомнение эффективность политики советской власти в этом направлении. В ряде работ проблема развития научной интеллигенции изучалась посредством анализа ментальных конструктов, поведенческих стратегий, отношений с властью, приватной сферы. В рамках современной историографической модели сложился устойчивый интерес к культурно - антропологическим подходам, историки все больше стали обращаться к изучению процессов, происходивших внутри профессорско-преподавательской корпорации. Наряду с этим в современной историографии не преодолен схематизм при изучении дифференциации вузовской интеллигенции, важными представляются вопросы изучения сложнейших процессов развития интеллигенции, требуют дальнейшего осмысления и проблемы амбивалентности вузовской интеллигенции, поиска «своего» места в изменяющихся социально-культурных условиях.

Во втором параграфе – «Источники исследования» дается подробной анализ состояния источниковой базы исследования.

Источниковая база исследования представлена широким кругом исторических источников, которые были разделены на три большие группы: неопубликованные и опубликованные документальные материалы, периодическую печать и источники личного происхождения. Основным объемом использованных в работе исторических источников составили документальные материалы 77 фондов 8 центральных и региональных архивов, привлекались и фонды музеев вузов. Обращение в исследовании к законодательной документации продиктовано необходимостью изучить трансформационные процессы в вузовском сообществе, инициированные новой властью. Обращение в работе к законодательным источникам обусловлено и тем, что они относятся к важнейшим документам, поскольку регулируют и направляют работу общественных и государственных организаций. Вместе с тем, анализ законодательной документации не позволяет раскрыть особенности влияния законодательного механизма на

практике, на то, как складывалась советская система высшего образования на местах, выяснить, насколько были регламентированы профессиональная и повседневная жизнь вузовской интеллигенции, наконец то, как сами ученые воспринимали правовое регулирование.

Основной комплекс источников исследования составила делопроизводственная документация, с целью упорядочения, она была поделена на: нормативные документы, отчетные документы, протокольную документацию и деловую переписку. Делопроизводственная документация рассматривалась в диссертации в последовательном порядке от изучения документации органов власти и партийных структур, общественных организаций и заканчивая, собственно, документооборотом высших учебных заведений. Такая последовательность обусловлена содержанием самих источников, аналитический уровень, содержание которых имеют существенные различия. Полного анализа делопроизводственной документации удалось добиться с помощью применения сравнительного метода, отбора документов по хронологии, содержанию, авторству.

Документальные материалы, как один из массовых видов исторических источников, составили основную группу. Высокая достоверность документальных источников определяется их происхождением. Это документы органов власти, государственных учреждений и общественных организаций, подконтрольных государству. Достоверность названного вида источника во многом определена самой эпохой, периодом становления и последующего директивного ведения делопроизводства. Тщательное документирование всех сторон жизни общества, свойственное для раннесоветского периода стало основой для полноценного анализа этого периода.

Вторую группу источников составили материалы периодической печати. Автором диссертации был проведен фронтальный просмотр изданий партийных и местных органов власти, газет местных общественных организаций, а также вузовских многотиражных изданий. При использовании

материалов прессы, учитывалось, что советская пресса, являясь инструментом формирования массового сознания, выполняла социально - политический заказ властей, вследствие чего многие факты из жизни замалчивались. Учитывалась и специфика печатных изданий, их роль и место в разные периоды времени. Пресса 1920-х гг., еще не в полной мере ощутив советский цензурный режим, более полно освещала реальные события. Тогда как в прессе 1930-х гг. хорошо прослеживаются лишь изменения идеологических установок советской власти.

При изучении особенностей субъективного восприятия учеными происходящих изменений одним из самых значимых стали источники личного происхождения. Обращение к мемуарным источникам позволило интерпретировать социально-культурные практики вузовской интеллигенции с учетом отдельно взятой индивидуальности, воссоздать психологический портрет ученого 1918– конца 1930-х гг. Кроме того, далеко не все практики вузовской интеллигенции могли документироваться или становиться традицией.

К исследованию привлекались как опубликованные, так и неопубликованные мемуары ученых и их ближайших родственников. Значительное место в мемуарах уделялось, как правило, вкладу ученых в науку, их участию в учебной жизни вузов, социально-культурные аспекты жизни освещались редко, вскользь. В последние десятилетия мемуаристы все больше внимания стали уделять описанию частного, бытового. Среди источников личного происхождения особое место занимают дневники и письма ученых, в которых авторы иногда более точно фиксируют события. Без использования источников личного происхождения было бы невозможно интерпретировать жизненные траектории вузовской интеллигенции, вписать их в общий исторический контекст.

В работе переосмыслена значимость отдельных групп источников, значительная часть архивных материалов введена в научный оборот впервые.

Вторая глава «Профессиональная ресоциализация вузовской интеллигенции» посвящена изучению особенностей трансформации профессионального пространства и форм адаптации вузовской интеллигенции Среднего Поволжья.

В первом параграфе «Трансформация профессионального пространства и позиция ученых» рассматриваются особенности реорганизации высшего образования и формы участия вузовской интеллигенции.

Трансформация профессионального пространства началась с изменения системы управления образованием. Отдел Высших Учебных Заведений предложил всем вузам Поволжья в кратчайшие сроки предоставить «подробную информацию о конструкции управления учебными заведениями». Осознавая неизбежность перемен, в надежде оказать непосредственное влияние на ход преобразований, ученые занимали активную позицию. Превентивно предлагали собственные проекты преобразований, частые поездки в Москву с целью апеллировать к вышестоящим органам, позволили не допустить закрытие вузов в Казани и Самаре. Попытки участвовать в реформировании системы образования прекратились с выходом положения о высших учебных заведениях РСФСР.

Указание Главпрофобра в кратчайшие сроки провести реструктуризацию управления вузами не было выполнено. Ученые в категоричной форме заявляли о необходимости внесения изменений в новый вузовский устав, заявляли о своем отказе участвовать в работе советских административных структур. Наряду с прямыми проявлениями недовольства, ученые ссылались на занятость, болезни, на собственную некомпетентность в вопросах управления. Дело обстояло иначе в вузах, созданных советской властью, где руководство назначалось партийными органами из числа лояльных власти ученых.

Реструктуризация управления вузами внесла изменения в факультетскую систему, коснулась вопросов объединения преподавателей по

принципу смежности специальностей, появились предметные комиссии. Главные функции подразделений - организация новой учебной жизни и ослабление влияния старой профессуры не выполнялись, а в результате действий, а часто бездействий ученых, сводились к научно-учебным вопросам. Ученые нелестно отзывались о работе новых подразделений, сознательно принимая участие в работе новых органов, они надеялись влиять на преобразования и перемены сообразно своим представлениям. Попытки власти остановить организационный хаос 1920-х гг. путем многочисленных постановлений и распоряжений не имели практического успеха. Новые вузы, появившиеся в 1930-х гг. в научных центрах Поволжья – Саратове и Казани, в Самаре, Ульяновске, Чебоксарах, формировались советской властью на основе унификации и строгой иерархизации.

Трансформация профессионального пространства происходила и путем наполнения учебных программ пролетарским содержанием. Вузовские преподаватели часто игнорировали преподавание пролетарских дисциплин, критиковали учебные планы, указывая на понижение качества преподавания. Большая часть интеллигенции в надежде на то, что ее опыт и знания могут быть полезными в деле реформирования высшей школы, участвовала в проведении новаций и корректировала первоначальные замыслы властей.

Во втором параграфе «Новые организационно-административные процедуры и правила» изучены советские организационно-административные процедуры и правила, устанавливаемые в вузах Среднего Поволжья.

Слом «буржуазной» высшей школы проходил путем изменения процедурных правил, коснувшихся замены «старых» научных кадров новыми пролетарскими профессорами и преподавателями. Лояльно настроенным профессорам и преподавателям предоставлялись значительные преференции. Ученые, с целью повысить свой социальный статус, без защиты диссертации могли стать профессорами, прослушав курсы Института Красной профессуры, пополняли ряды «красных» профессоров. В поисках покоя и сытой жизни, ученые принимали предложения провинциальных поволжских вузов и

занимали профессорские должности.

С целью раздробить вузовскую корпорацию изнутри власти предлагали новые процедуры выборов на должности. Кандидатура ректора и состав Правлений утверждался сразу в нескольких советских инстанциях, что привело к девальвации самой процедуры выборов, которая становилась не более чем формальностью.

Попытки властей взять под контроль подбор профессоров и преподавателей привели к повсеместному нарушению советских кадровых предписаний. Ученые выражали недовольство принудительной системой подбора кадров, открыто заявляли о нежелании обсуждать кандидатов на должность с политической точки зрения, неправильно оформляли и с опозданием отсылали документы в Москву, к преподаванию привлекались опальные ученые. К концу 1930-х гг. работа по подбору кадров стала более формализованной, выборы должностных лиц трансформировались, став новым «советским» ритуалом.

В 1923 г. власти идут на регламентацию процедуры «оставления» молодых ученых на кафедре, позднее создают институт студентов-выдвиженцев. Работа по выдвижению молодых специалистов проходила не всегда по плану, намеченному советской администрацией. Профессура под разными предлогами отказывалась работать с «выдвиженцами», оставляла на кафедре «своих» студентов в обход пролетарских. Ученые предлагали свои проекты отбора молодых ученых, где не было места классовым различиям. Несмотря на радикализм преобразований, в 1934 г. в стены вузов были возвращены некоторые прежние процедурные правила.

В третьем параграфе «Практики профессиональной адаптации вузовской интеллигенции» изучены формы адаптации вузовской интеллигенции в новых социально-культурных условиях.

Сущность социокультурной адаптации раскрыта через несоответствие устоявшихся культурных норм и ценностей вузовской интеллигенции, новым культурным традициям, насаждаемым советской властью. Предложенные

советской властью границы институционализации осваивались учеными по-разному. Ученые могли оказывать упорное сопротивление новациям, вплоть до открытых протестов. Другие, пытаясь адаптироваться, придерживались независимых взглядов и игнорировали все начинания властей.

Адаптировались и преподаватели, активно сотрудничающие с советской властью. «Красные профессора», сделав стремительную карьеру, могли скрывать факт отсутствия ученой степени. Частым явлением в жизни вузовских преподавателей стали конфликты, которые еженедельно рассматривались в созданных конфликтных комиссиях. Комиссии стали инстанцией, где ученые отстаивали свои коллективные и частные интересы. Специфичной формой адаптации стало намеренное участие ученых в работе советской администрации. Занимая высокие должности, ученые могли жестко критиковать действия властей, и, используя свое высокое положение, решать материальные, административные и бытовые проблемы.

Ученые игнорировали и такие начинания советской власти как соцсоревнование и стахановское движение. Для «галочки» выполняли взятые «обязательства», по-своему трактовали предписания властей и досрочно принимали экзамены, читали сокращенные курсы лекций. Власти объявили борьбу с «перегибами», а методы повышения производительности труда стали носить формальный характер.

В ходе социально-культурных практик вузовской интеллигенции формировалась новая идентичность – гибридная, соединившая черты и ценностные представления «буржуазного» вузовского сообщества с элементами «советских» представлений и ценностей, советских дискурсивных практик.

Третья глава «Трансформация повседневности и «практики выживания» вузовской интеллигенции» посвящена анализу и характеристике властных стратегий распределения материальных благ как способа выстраивания новых иерархий в академической среде и реакции вузовской интеллигенции на эти изменения.

В первом параграфе «Установление системы оплаты труда и ранжирование интеллигенции» изучены вопросы организации денежного обеспечения вузовской интеллигенции.

Ранжирование вузовской интеллигенции стало основой тарифной политики государства введенной весной 1922 г. Все научные работники были разбиты на три большие группы: ученые специалисты научных учреждений и преподаватели вузов оплачивались по 17-15 разрядам, вторая группа - научные работники (15-14 разряд) и научно-технические сотрудники и высококвалифицированные техники (по 12-10 разрядам). Категории, на которые были разделены ученые, очень скоро стали дробиться на более мелкие группы, что приводило к большей дифференциации работников не только по принципу научных заслуг, но и по общественной значимости ученого. В 1927 г. была введена штатно-окладная система оплаты труда. Власти заявляли о повышении заработных плат научным работникам, что на практике, обернулось не повышением, а ее понижением в связи с установлением для ученых должностей и твердых окладов. С 1934 г. власти идут на дальнейшую дифференциацию оплаты труда и вводят персональные оклады для ученых, занимающих высокие должности. Вместе с тем, оплата труда ученых стала зависеть не только от должности и ученого звания, но и от характера учебных занятий. Государственная тарифная политика, проводимая Советской властью в период 1918–1930-х гг., наряду с тем, что была призвана решать сложные экономические вопросы, преследовала и узко политические цели по замене «буржуазных» ученых пролетарскими кадрами.

Во втором параграфе «Распределение продовольствия и спецснабжение: новые иерархии в академической среде» выявлены способы распределения продовольствия в академической среде.

В 1921 г. научные работники были выделены в особую категорию по их научной квалификации в отношении снабжения. Внутри выделенной категории формировалась своя иерархия. Распределение пайков осуществлялась властью непоследовательно и не повсеместно. В основу

распределения продовольствия был положен принцип научных заслуг. По мере развития и становления системы распределения классовость и общественные заслуги советского человека стали основой распределительной политики властей.

Карточная система, введенная в стране в конце 1920 - х гг. еще больше дифференцировала ученых по уровню обеспечения. И если в 1920 – е гг. путь к социальному благополучию ученого лежал через получение дополнительного обеспечения, то в 1930- е гг. необходима была еще и близость к промышленному производству. Проблема продовольственного обеспечения научной интеллигенции решалась и с помощью специально созданных лавок-распределителей, закрытых магазинов, столовых. При этом была выделена и группа научной элиты, им выдавались специальные пайки, они пользовались специальными мастерскими по пошиву одежды на заказ.

В третьем параграфе «Жилищные проблемы и формы общего быта» рассмотрены жилищные проблемы ученых и способы их решения.

Условия проживания ученого были поставлены в прямую зависимость от жилищной политики Советской власти. За период с 1918 по конец 1930-х гг. появилось немало постановлений, в которых власти декларировали предоставление многочисленных льгот для ученых. Однако реализовать свои права на возможность иметь дополнительную комнату для научной работы, самоуплотнение, а не уплотнение насильственным способом, могли далеко не все, а лишь члены особых организаций - Комиссий по улучшению быта ученых, позднее - Комиссии содействия ученым, вход в которые ученым, не доказавшим свою лояльность, был запрещен. Но даже членство в специальных организациях не гарантировало получения жилья. Ученых выселяли, переселяли из одной квартиры в другую, без их ведома подсаляли к ним жильцов, делая из их квартир коммуналки. Решить жилищные проблемы ученые пытались путем многочисленных заявлений в вышестоящие инстанции, обращались в судебные органы, предлагали свои проекты по распределению жилья. Получить жилье удавалось с помощью разжигания

конфликтов. Ученые, отстаивая свои квадратные метры, оказывали физическое сопротивление, самовольно, в обход распоряжений, вселялись в квартиры и выгоняли прежних жильцов.

Хроническая нехватка жилых помещений привела к созданию жилищного поселка для научных работников в Казани. Вынужденная миграция ученых из центральных вузов обострила жилищную ситуацию в Саратове, Самаре. Нехватка жилья здесь решалась посредством заблаговременного бронирования квартир в строящихся домах, предпринимались попытки выделить квартиры в здании бывшего административного отдела, путем организации общежития. С начала 1930-х гг. власти, в своих постановлениях, напрямую ставят бытовые условия в зависимости от лояльности ученых.

Четвертая глава «Система ценностных норм и представлений и формирование советской идентичности» посвящена анализу комплекса ценностных представлений ученого, их устойчивости к воздействиям, а также результатам воздействий.

В первом параграфе «Знание, наука, корпоративная культура в «картине мира» ученого» выявлены особенности «картины мира» ученого, комплекса ценностных представлений, его устойчивости к воздействиям и способов его конструирования.

Картина мира дореволюционного ученого базировалась на осознании уникальности собственного сообщества, формирующегося и функционирующего по своим принципам. С началом революционных преобразований картина мира ученого оказалась под угрозой разрушения. Пересмотр дореволюционных ценностей начался с обучения и воспитания марксистско-ленинских кадров. В вузах вводились новые методы преподавания, в основу которых закладывались марксистско-ленинские принципы. Попытки ученых противостоять вульгаризации учебного процесса приводили к разного рода манипуляциям: под «пролетарским» названием учебных дисциплин, ученые скрывали их «буржуазное» содержание,

выступали с критикой, бойкотировали очередную «переработку» учебных программ. Многочисленные обследования вузов в 1930 – гг. показали, что профессорско-преподавательский состав повсеместно игнорировал политические вопросы, а часть дисциплин с идеологической установкой была исключена из учебной программы.

В культурную систему страны вживлялись советские культурные учреждения, призванные стать инкубаторами советских культурных ценностей. Советские культурные учреждения, такие как Дом ученых в Казани (Дорнит), Дом работников просвещения в Саратове (Дом ученых), ульяновский Дом работников просвещения стали тем местом, где интеллигенции удавалось использовать прежние ментальные установки. Трансформация ценностей происходила и путем учреждения новых профессиональных праздников, организации массовых мероприятий с идеологическим подтекстом. Предложения проводить свободное время по-советски распространялись и на время летних отпусков. Дома отдыха в Казани, Саратове пользовались популярностью среди ученых и стали местом, где удавалось сохранять прежние культурные ценности.

Во втором параграфе «Свои» и «чужие» в представлении вузовской интеллигенции» дан анализ поведенческих практик вузовской интеллигенции как способа сохранения профессиональной и социокультурной идентичности.

Вузовская профессорско-преподавательская корпорация представляла собой особое профессиональное образование, в котором сложились «свои» идентификационные коды – традиции, нормы и ценности. В связи с действиями властей гетерогенность вузовской корпорации усиливалась, границы между «своими» и «чужими» размывались, формировались новые социально-психологические модели адаптации.

Среди них выделялась группа критически настроенных вузовских преподавателей «бунтарей». Открытое противостояние ярко проявлялось в первое послеоктябрьское десятилетие. Часть ученых не принимала власть по идеологическим мотивам, другая - была недовольна социальным положением.

Доля оппозиционно настроенных ученых уменьшалась, часть была выслана из страны, другие – лишилась преподавательской практики, третьи – дистанцировались. Большинство вузовских преподавателей не участвовало в политической жизни, проявляя *эйскетизм*, они погружались в научную работу, пытались сохранить социально-психологическое равновесие. Часть из них, была далека от политики, другие не видели необходимости в активных действиях в условиях тотального контроля.

Основную группу составляли политически активные ученые, с энтузиазмом встретившие перемены. *Инновационная* модель поведения чаще практиковалась в первые годы советской власти, когда строительство советского общества многими романтизировалось. Эта группа состояла из ученых-коммунистов, и интеллигенции, которая, признавая советскую власть, все же предлагала альтернативные пути развития. Способом гармонизации отношений с советской властью стал *конформизм*. Во многом вынужденная, пассивная социально-психологическая позиция для одной части ученых стала способом гармонизации отношений с властью, дала возможность вести нормальную научную деятельность, улучшить материальное положение, избежать репрессий. Другие, демонстрируя внешнюю лояльность власти, делали стремительную карьеру. Часть вузовской интеллигенции вынужденно следовала установленным образцам поведения и выполняла новые предписания и правила для «галочки», такой *ритуализм* помогал дистанцироваться от политики, сохранять прежнее социально-профессиональное окружение, не признавая ни целей, ни ценностей советского общества.

В третьем параграфе «Новые дискурсивные практики: языки науки и политики» изучены формы и результаты изменения языковых практик вузовской интеллигенции.

Став объектом деформации, дискурсивные практики обретали новые формы. В результате происходила замена языка науки языком политики. Формы деформации языка науки были самыми разнообразными, от

заполнения особой анкеты, написания характеристики, отчета, до составления «правильной» биографии. В анкете ученые должны были указывать соответствующие «советской» биографии данные. Особенностью «правильно» составленных отчетов стало включение элементов самокритики.

Освоение «правильной» советской риторики происходило в специально создаваемых марксистских кружках при вузах, Домах ученых и Секциях научных работников. Важной формой замены языка науки языком политики стало его усиленное насаждение в научном дискурсе. Ученый обязан был в совершенстве владеть марксистско-ленинской терминологией, использовать ее при написании научных работ. Постепенно, активное использование политической риторики стало насущной необходимостью, залогом успеха в решении профессиональных и повседневных проблем. Вузовская интеллигенция, использовала новояз под нажимом обстоятельств, формально подходила к выполнению требований администрации, изобретала пути обхода языковых предписаний и способствовала бюрократизации и формализации языковых практик. Складывание новых дискурсивных практик стало способом конструирования норм, ценностей и правил, способом дискурсивного конструирования мира, формой маркирования новой социальной реальности.

В заключении подводятся итоги исследования, и сформулированы основные выводы.

Анализ социально-культурных практик, форм и результатов адаптации вузовской интеллигенции Среднего Поволжья позволяет сделать вывод о схожести протекавших процессов с теми сложнейшими и противоречивыми изменениями вузовских сообществ всей страны. Вместе с тем, наряду с общими тенденциями, в регионе имелось ряд особенностей, что определялось отдаленностью от центра, острой нехваткой квалифицированных кадров, преимущественным развитием вузов сельскохозяйственного, политехнического и педагогического направления.

Формирование политики властей в области науки и образования представляло сложный процесс, обусловленный социально-культурными трансформациями 1918 – конца 1930 – х гг. Непосредственное влияние на названные процессы оказывала и вузовская интеллигенция. В результате планы властей претерпели серьезные изменения от попыток радикального переустройства системы образования до отказа от части наиболее радикальных нововведений.

В 1920 – гг. вузовские коллективы были укомплектованы дореволюционными специалистами, что связано не только с острой нехваткой преподавателей, но и действиями вузовских корпораций, вставших на защиту своих коллег. В годы предвоенных пятилеток наблюдалось размывание профессорско-преподавательских коллективов за счет создания сети профильных вузов, росло число преподавателей, лояльно настроенных советской власти.

Изменения коснулись и материального положения ученых. В 1920 гг. средний уровень доходов вузовской интеллигенции составлял не более 45 % от дореволюционного. В этих условиях власти пошли по пути финансовой дифференциации ученых. Введение в 1930 гг. штатно-окладной системы оплаты труда привело к дальнейшей дифференциации вузовской интеллигенции. Путь к социальному благополучию научного работника лежал и через дополнительное обеспечение, которое можно было получить только через специально созданные правительственные и профсоюзные организации.

Миграции ученых в 1918 - начале 1920 - х гг., хроническая нехватка и приглашение профессорско-преподавательских кадров в начале 1920-1930-х гг., репрессивные действия и ссылки конца 1930 - х гг. особенно обострили жилищную ситуацию в Среднем Поволжье. Испытываемые учеными материальные проблемы привели к нарастанию внутреннего отчуждения, проявлялись тенденции размывания профессорско-преподавательских корпораций.

В этих сложнейших социальных условиях ученые выбирали ценностно-рациональные пути адаптации. Процессы разрушения вузовских профессиональных сообществ размывали границы между «своими» и «чужими». В результате, профессорско-преподавательские корпорации некогда объединенные особым статусом, функциями, привилегиями и корпоративными ценностями переживали болезненные процессы перерождения в советские вузовские коллективы, поставленные на службу советскому государству.

В изучаемый период власти особое внимание уделяли формированию советских ценностных норм и представлений. Центром формирования советских культурных ценностей, по замыслам властей, должны были стать культурные учреждения. Благодаря усилиям ученых культурные учреждения стали центрами сдерживания хлынувшего потока «советской культуры», где удавалось использовать и реализовывать прежние ментальные установки. Формирование советской идентичности происходило и путем продвижения языка политики, язык науки при этом искажался. Ученые, вынужденные использовать политическую риторику, часто делали это намеренно, надеялись на успешное продвижение своих профессиональных и повседневных проблем.

Реконструкция жизненных траекторий вузовской интеллигенции показала многослойность протекавших процессов. Период 1918 – конец 1930-х гг. не только время усилившейся гетерогенности, но даже лиминальности (промежуточности) позиций интеллигенции. С учетом названных особенностей в исследовании были выделены три периода в истории развития вузовской интеллигенции Среднего Поволжья 1918 - конца 1930-х гг.

Социально-культурные практики вузовской интеллигенции, в основе которых научная деятельность, позитивная профессиональная идентичность, социальный статус ученого, традиционность, способствовали сохранению дореволюционной культуры. Переопределение социальных моделей поведения, участвовавшее в первые послеоктябрьские десятилетия, использование некогда несвойственных вузовской интеллигенции моделей

поведения интенсифицировали гибридизацию идентичности. Вместе с тем, интеллигенция высшей школы Среднего Поволжья определяла выбор адаптивных практик, характер научной и преподавательской деятельности, пути дальнейшего развития высшего образования, отношение к политическому режиму.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

Монографии:

1. Хабибрахманова О.А. Властные стратегии и тактики по улучшению жизни научной интеллигенции 1920-1930-х годов. - Казань, 2008. - 116 с.
2. Хабибрахманова О.А. Власть и научная интеллигенция. Социально-культурные коммуникации 1920-1930-х годов. - Germany: LAP LAMBERT, Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011.- 179с.
3. Хабибрахманова О.А. На изломе: научная интеллигенция Татарстана и социально-культурные трансформации 1920-1930-х гг. – Казань, 2016. – 206с.

Работы, опубликованные в перечне периодических изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Хабибрахманова О.А. Научная интеллигенция 1920-1930-х годов: изменение состава, трансформация идентичности // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. - 2010. – т.152. - № 3-2. - С.122-139.
2. Хабибрахманова О.А. Проблемы социального обеспечения научной интеллигенции в начале 1920-х годов // Известия Самарского научного Центра РАН). – 2010. – Т.12. - № 2. - С.124-128.
3. Хабибрахманова О.А. Социальные коммуникации научной интеллигенции Татарстана в 1920-1930-е годы // Казанский педагогический журнал. - 2011. – № 5-6 (89-90). - С.153-157.
4. Хабибрахманова О.А. Особенности изучения дискурса в профессиональной деятельности научной интеллигенции Казанского университета // Казанский педагогический журнал- 2012. – № 4 (94). - С.159-163.

5. Хабибрахманова О.А. Советская кадровая политика и научная интеллигенция Татарстана в 1920-1930-е годы XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2013. - Т.155. - № 3. - Ч.1. – С.155-166.
6. Хабибрахманова О.А. Новые коммуникационные практики научной интеллигенции Татарстана 1920-1930-е годы // Вестник Омского государственного университета. – 2013. - № 3 (69). - С. 84-89.
7. Хабибрахманова О.А. Социальная трансформация научной интеллигенции 1920-х гг.: казанские ученые-беженцы // Вестник Томского государственного университета. - 2014. - №378. - С. 155-158.
8. Хабибрахманова О.А. Жилищный передел: проблемы жилья и научная интеллигенция Татарстана 1920-1930-х гг.// Известия Самарского научного центра Российской академии наук. - 2015. –Т.17. - №3. - С.100-103.
9. Хабибрахманова О.А. Система распознавания «свой» - «чужой» в 1920-1930-е годы: изменение социокультурных кодов в профессиональном пространстве научной интеллигенции // Вестник Удмуртского университета. – 2017. – Т.27. - С.79-82.
10. Хабибрахманова О.А. Политика советской власти по социальному обеспечению научной интеллигенции Татарстана в 1920-1930-е гг. // Вестник Вятского университета. – 2017. - №1. - С.36-39.
11. Хабибрахманова О.А. Практики адаптации научной интеллигенции Татарстана в 1920-1930-х гг. // Вестник Чувашского университета. – 2017. - №2. - С.147-152.
12. Хабибрахманова О.А. Формирование культуры досуга по-советски в 1920-1930-е гг. // Гасырлар авазы - Эхо веков. – 2017. - №3-4. – С.122-130.
13. Хабибрахманова О.А. Профессиональные коммуникации научной интеллигенции: взаимоотношения со студенчеством (20-е годы XX в.) // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2017. – Т. 159. - № 4. – С. 942–949.

14. Хабибрахманова О.А. Новая система организационно- административных процедур и отношение научной интеллигенции к «советским» выборам Правлений казанских вузов в 1920-1930-е гг. // Вестник Удмуртского университета. – 2018. – Т.28. - С.104-108.
15. Хабибрахманова О.А. Трансформация профессионального пространства и позиция научной интеллигенции Татарстана в 1920-е гг. // Вестник Пермского. – 2018. - № 1 (40). – С. 172-179.
16. Хабибрахманова О.А. Столкновение с советской реальностью: пути адаптации профессора математики Казанского университета Н.Н. Парфентьева // Вестник Удмуртского университета. – 2019. – Т.29. - С.669-673.
17. Хабибрахманова О.А. Революционное наступление на «свободу образования» или пролетарское прочтение общественных дисциплин в 1920 - е гг.: от замыслов до реализации // Вестник Чувашского университета. – 2021. - №2. - С.212-219.